

Е. Ярославский

За последней чертой

**Троцкистская оппозиция после
XV съезда**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Е11

Е11 **Е. Ярославский**
За последней чертой: Троцкистская оппозиция после XV съезда / Е. Ярославский – М.: Книга по Требованию, 2018. – 214 с.

ISBN 978-5-458-69525-1

Данный сборник состоит из статей известного революционера, советского партийного деятеля, историка и публициста, идеолога и руководителя антирелигиозной политики в СССР Емельяна Ярославского (1878—1943).

ISBN 978-5-458-69525-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2018

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2018

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВВЕДЕНИЕ

ЗА ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТОЙ

Год тому назад в «Большевике» появилась статья «У последней черты», посвященная оппозиции¹. Тогда мы пытались подвести итоги борьбы оппозиции за 1928 г. В последующих статьях дана была картина дальнейшей эволюции троцкистов и троцкизма. 1929 г. внес полнейшее разложение в ряды оппозиции. Ряд опубликованных в печати индивидуальных и групповых заявлений об отходе от оппозиции, ряд опубликованных в печати документов троцкистского подполья вскрыл всю контрреволюционную сущность троцкизма. Нам остается мало что прибавить к тому, что было сказано в этих статьях. Мы хотели бы только в настоящей статье осветить отношение троцкистов к правым и показать, на какой позиции остались те троцкисты, которые не хотят быть вместе с «калитулянтами», т. е. с большинством бывших своих соратников.

Мы заранее оговариваемся, что отнюдь не рассматриваем эту последнюю группу «твердокаменных» троцкистов, как нечто совершенно однородное. Мы знаем, какая величайшая путаница, какой непроходимый хаос взглядов царит среди этой оставшейся группы троцкистов.

Мы сознательно выделили троцкистов из всех других подпольных антипартийных и антисоветских групп,—отнюдь не потому, что мы считаем троцкистов непримиримо враждебными этим другим группам (сапроновцам, мясниковцам). Наоборот, читатель может неоднократно убеждаться в идейной близости троцкистской идеологии к идеологии мясниковщины и децистов.

Если Троцкий например в статье «Кризис право-центристского блока» уверяет, что «настоящие бои еще впереди... вопрос об Октябрьской власти, который сейчас будет решаться миллионами и десятками миллионов»; если он думает,

¹ «Большевик» № 23—24 31 декабря 1928 г.

что этот вопрос будет решаться «с открытым применением силы»; если он в другом месте заявляет (в директивном письме от 21 октября 1928 г.), что в настоящее время у нас в СССР—«керенщина на изнанку»; если последователь Троцкого С. Геворкьян предлагает готовить пролетариат СССР к гражданской войне и «вооружить его к предстоящим боям», то они не так далеки от децистов, утверждающих, что «перед рабочим классом СССР стоит грандиозная задача восстановления диктатуры пролетариата путем устранения от власти враждебного ему класса мелкой буржуазии, путем длительной классовой борьбы, путем новой пролетарской революции»¹.

И пусть при этом в официальных документах троцкисты двадцать раз клянутся, что они стоят «не за революцию, а за реформу», всякий увидит сходство постановки вопроса у Троцкого и дециста В. М. Смирнова, который призывает помнить, что необходима «новая революция, завоевание диктатуры пролетариата». А вся подпольная оппозиция, какими бы лозунгами она ни прикрывалась, является не чем иным, как сознательной или бессознательной агентурой классового врага в нашей стране.

«НЕПОКОЛЕБИМО ВЕРНЫЕ ПЛАТФОРМЕ»

«Платформа» троцкистов в 1927 г. была подписана 13 членами ЦК и ЦКБ. В настоящее время (конец 1929 г.) от этих подписей остались три. Подавляющее большинство сторонников этой платформы, подписавшихся под нею, сняло свои подписи. Троцкистская оппозиция может говорить лишь от имени ничтожнейшего меньшинства, оставшегося «непоколебимо верным платформе». Да и среди оставшихся, как свидетельствует об этом письмо Е. Солнцева², царит «паника и растерянность...», «полное идейное и моральное разложение». «Никто больше никому и ни во что не верит...» И вот, под влиянием такого банкротства, в основе которого лежало банкротство платформы троцкистов, Х. Раковский и его друзья решаются сделать партии заявле-

¹ Предисловие не легального центра децистов к письму Сапронова от 9 августа 1929 г.

² См. статью «Мертвые падают быстро».

ние, смысл которого расшифровывает тот же Е. Солнцев в опубликованном нами письме.

«Задача заключается в том,—писал Е. Солнцев,—чтобы попытаться превратить этот шаг (капитуляции остатков троцкистской организации.—*Е. Я.*), которого мы предотвратить не можем, в маневр с нашей стороны вроде того, какой был сделан 16 октября 1926 г. Думаю, что этим путем можно было бы временно приостановить или хотя ввести в известные границы нынешнее беспорядочное паническое отступление и взять инициативу в свои руки хотя бы при помощи этого похабного шага...» Предлагая этот план, троцкист Солнцев предвидел, что «в нынешних условиях это опаснейший и рискованнейший шаг, это ход ва-банк, это почти авантюра».

На что они рассчитывали? Троцкисты, как и правые, рассчитывали, что осенью 1929 г. неизбежен кризис. Они рассчитывали на затруднения. Их основная ставка все время—на эти трудности.

«Осенью,—читаем мы в том же документе,—несомненно развернется большая драка в стране, а следовательно и в партии. Тогда возможны два варианта в ходе событий: либо... появятся шансы на то, что нам удастся на более выгодных условиях проскочить в партию всем течением, либо... мы опять вступим в бой. Именно поэтому нам важно многих удержать...»

Однако маневр этот был нами разоблачен раньше, чем троцкисты успели его развернуть. Опубликование письма Е. Солнцева раскрыло, какими краплеными картами играют троцкисты. Раковскому ничего другого не оставалось сказать, как то, что они, троцкисты, не согласились с установкой Солнцева, и их заявление (под которым имеется и подпись Солнцева и с которым в основном солидаризировался и Троцкий) исходит из других мотивов.

Мы не считаем нужным очень подробно останавливаться на этом заявлении Раковского, под которым имеется немало подписей бывших меньшевиков.

Укажем однако на то, что оно содержит в себе чисто меньшевистские оценки существующего положения, чисто по меньшевистски критикует нашу партию. Ока-

зывается, у нас только теперь начинается социалистическое строительство, да и то оно начинается «при глубоко зашедшем разложении государственного, профессионального и партийного аппаратов, при значительном разброде в середнячестве и отчасти в крестьянской бедноте, при недостаточной подготовленности рабочего класса, захваченного врасплох рационализацией...»¹ и т. п.

Свой собственный разброд, свое собственное разложение, свою собственную неподготовленность эти люди принимают за неподготовленность рабочего класса, за разброд в трудовых массах крестьянства. Как слепые щенки, скулят они о наличии глубокого идейного разброда в партии, сумевшей мобилизовать многомиллионные массы на выполнение гигантских задач социалистического строительства. Невиданный размах творчества масс, темпы строительства, о каких никто из нас никогда не мечтал, глубочайший подъем массового творчества, энтузиазма, социалистического соревнования, роста ударных бригад, ударных цехов и предприятий, сплошной коллективизации целых районов, республик, областей и т. п.,—все это идет мимо этих людей, каркающих о том, что «всякий и новый этап в осуществлении пятилетнего плана будет воспроизводить в известный период в расширенном масштабе экономические и политические трудности предшествующего» (таскать вам—не перетаскать!). Они милостиво допускают однако, что «пятилетка может сыграть революционную роль, стать важнейшим этапом в развитии классовой борьбы и средством укрепления пролетарской диктатуры». Они делают удивительное открытие, «что это возможно лишь при условии, что осуществление ее будет обставлено гарантиями, обеспечивающими сплочение вокруг пятилетки пролетариата и крестьянской бедноты под руководством коммунистической партии». Когда в стране все пришло в движение, все кипит, когда огонь энтузиазма захватывает самые отсталые слои трудящихся, эти фразеры ничего не находят лучшего, как болтать о недостаточности поднятия жизненного уровня рабочего класса, сводят всю роль профсоюзов в период социалистической реконструкции чисто по-трэд-юнионистски к роли «защитников интересов

¹ Заявление Х. Раковского от 2 октября 1929 г. в ЦК и ЦКК.

рабочих», выступают против решения партии о единоначалии в управлении производством.

Они повторяют меньшевистские, оппортунистические нападки на Коминтерн, который, по их мнению, продолжает «в идейном отношении колебаться между оппортунизмом и ультралевизной» (то ли дело Троцкий и К^о!), «а в организационном отношении применять осужденные опытом бюрократические методы руководства».

А как же с платформой?

Оказывается, «самый ход классовой борьбы, ее обострение, выделение в партии правого течения с вытекающей отсюда опасностью для пролетарской революции, устранил отчасти те барьеры, которые отделяли оппозицию большевиков-ленинцев от партии».

Обещают ли эти люди прекратить борьбу против партии? Нет, они заявляют, что со своей стороны они будут «стремиться к устранению остроты в отношениях к партийному руководству...»

При этом они убеждены, что их заявление «встретит сочувствие и поддержку подавляющего большинства партии и рабочей массы».

Уже из одного этого видно, как далеко эти люди ушли от партии и рабочей массы, потерявши всякое чутье. Удивительно ли после этого, что ЦК и ЦКК партии отказались даже рассматривать этот меньшевистский документ, оставив его без ответа?

ПРАВЫЕ И ТРОЦКИСТЫ

Платформа троцкистов словесно заострила вопрос о борьбе с правыми. Когда же партия заявила, что правая опасность является главной для переживаемого периода, троцкисты усиленно принялись доказывать, что это лишь «маневр», «зигзаг» и продолжали повторять, что только они, троцкисты, стоят за последовательную борьбу с правыми. Однако всем известно, что эта «последовательность» троцкистов ничем не отличается от последовательности Пауля Леви, Бартельса и многих других «левых» социал-демократов, обретших ныне пристанище в лоне II Интернационала. Когда просматриваешь сейчас установки бывшей рабочей оппозиции и знакомишься с лозунгами, которые сторонники рабочей оппозиции бросают в массы в своих листовках, видишь ясно, как

близки эти лозунги к лозунгам меньшевиков. Самый архилевый—Мясников докатился до издания подпольного листка «Рабочий путь к власти», совершенно в духе мелкобуржуазного синдикализма, который даже трудно скрыть под самыми архиреволюционными фразами. Самый левый децист—В. М. Смирнов доболтался до такой постановки вопроса о связи строительства социализма в СССР с международной революцией, что даже кое-кто из троцкистов вынужден был упрекнуть его в национальной ограниченности.

Мы этим реакционным писаниям децистов и мясниковцев надеемся уделить в ближайшее время некоторое внимание, чтобы ознакомить с ними партийцев. Чем «левее» фразы, тем реакционнее выводы,—к такому заключению приходишь, знакомясь с документами оппозиции.

Однако не лучше обстоит дело с самими троцкистами. Когда перечитываешь бесконечные грозные филиппики троцкистов против правых, не можешь отделаться от того, что это лишь словесная шумиха. Троцкисты не прочь были заключить блок с правыми, если бы такой блок был возможен. Это им тем легче было бы сделать, что в их среде много самых доподлинных меньшевиков, чистокровных, так сказать, правых. Мы осудили неправильные взгляды правых, в том числе т. Бухарина, по вопросу о «врастании кулака в социализм». Но всякий может убедиться¹, что Троцкий в 1925 г. в этом вопросе не расходился с т. Бухариным. Он доказывал, что необходимо на известный период пойти на «расширение рамок для товарно-капиталистических отношений в деревне», что «кулак, богатый крестьянин, который продает хлеб через посредство государства, позволяет государству получать иностранную валюту, за которую мы можем ввозить машины для наших заводов, это—плюс, это содействие приближению к социализму».

Вряд ли надо доказывать, что никакой принципиальной разницы между ролью кулака, «врастающего в социализм» (правая оппозиция) и ролью троцкистского кулака, «содействующего приближению к социализму»—нет.

Однако и по ряду других вопросов можно легко устано-

¹ См. в настоящем сборнике статью «О двурушничестве».

вить пункты идейной близости троцкистов и правых. Этим мы вовсе не хотим сказать, что троцкисты и правые—одно и то же. Такая постановка вопроса могла бы привести к ослаблению борьбы как против троцкистов, так и против правых.

Возьмите например вопрос о нэпе. Что нэп есть путь социалистического наступления—об этом часто забывали оппозиционеры. А с другой стороны, у правых мы видели фетишизацию нэпа, такое неправильное противопоставление его военному коммунизму, при котором всякое применение принуждения (даже к классовому врагу, к кулаку при изъятии хлеба) объявляется отменой нэпа, приравнивается к «военно-феодальной эксплуатации крестьянства» и т. п. Подводя годовые итоги платформе оппозиции И. Т. Смилга писал в конце 1928 г. ¹:

«Таким образом создалось одно из основных противоречий нашей экономики, которое может разрешиться либо капиталистическим либо социалистическим путем. В пределах нэпа она разрешена быть не может».

Речь здесь идет о противоречиях в нашей экономике. Оказывается, если разрешать эти противоречия на путях нэпа, то их нельзя разрешать социалистически. Но к этому ведь с другого конца подошли и правые. У них получилось так, что наши социалистические мероприятия отменяют нэп, что мы возвращаемся к методам военного коммунизма и т. п. Этим непониманием нэпа отличались все оппозиционные группы: и зиновьевцы, утверждавшие, что нэп есть только отступление, и троцкисты, утверждающие, что в пределах нэпа нельзя разрешить противоречия нашей экономики, и правые, видевшие в каждой мере экономического принуждения отмену нэпа.

Есть сходство и в оценке положения в СССР. Всем хорошо известны разговоры правых о «размычке» с крестьянством, о деградации сельского хозяйства и т. п. Отчасти, как мы это теперь документально знаем, правые питали и заражали этими настроениями и троцкистов (или от них заражались этими настроениями, что и в том и в другом случае свидетельствует о том, что между теми и другими существует

¹ И. Т. Смилга, К годовщине платформы большевиков-ленинцев

«влеченье—род недуга»). В цитированном уже документе И. Смилги, встреченном весьма сочувственно в свое время Л. Троцким, мы находим например такие «прогнозы». Смилга доказывает, что в 1928 г. «произошло расширение антисоветского фронта в деревне за счет блока кулачества с защиточной частью середняков»; что «середняцкая масса деморализована», что «для бедноты—1928 г. является годом великого разорения», что «реальная зарплата для большинства групп рабочих за год снизилась»; что партия «проделывает с беднотой шарлатанские манипуляции»; что в области капитального строительства «дело обстоит еще менее отрадно, чем на хлебозаготовительном и промтоварном рынках»; что «хозяйство СССР вступило в полосу длительного и глубокого кризиса»; что «опасность термидора поэтому никогда не была так велика, как теперь».

Чем же все это отличается от фрумкинско-бухаринско-рыковской «размычки», «деградации», «затухающей кривой» и т. п.?.. Что же удивительного после такого, с позволения сказать, «анализа» и «прогноза», если Смилга тогда выдвигал такое грозное обвинение: «Мы обвиняем ЦК в том, что он, не осведомляя рабочий класс о действительном положении вещей, ведет его навстречу таким потрясениям, которые в недалеком будущем могут доставить под удар само существование пролетарской диктатуры». Знакомые песни! Мы слышали их и от правых, что партия скрывает истинное положение вещей и т. п.

А чего стоит например такое заявление (в той же итоговой работе троцкистов): «Мы за широкое строительство совхозов и колхозов. Но мы против строительства этих социалистических очагов в сельском хозяйстве в порядке ударной кампании...» Кто у кого списал этот тезис,—правые у троцкистов или троцкисты у правых,—не беремся судить. Но что здесь имеется налицо поразительное «средство душ»—в этом вряд ли можно усомниться.

А в чем же выход видела оппозиция? Оказывается в том, чтобы сказать «отечество в опасности». В брошюре И. Т. Смилги это звучит особенно торжественно.

«Только тупоумный бюрократ может не видеть того, какую новую силу и размах получило бы социалистическое строительство в нашей стране, если бы партия честно и открыто

сказала рабочему и крестьянину: социалистическое отечество в опасности... разобьем врага внутри и организуем оборону от чемберленов. Закрепим передышку. Вместе с мировым пролетариатом построим социализм. Вот наши успехи—вот наши трудности. Все рабочие, все честные граждане (?!!)—на защиту социализма». Видите, как немного нужно было, чтобы выйти из кризиса, а «тупоумные бюрократы» без троцкистов и не догадались. А если бы догадались произнести такую бестолковую и сумбурную речь, то оказывается «такая попытка была бы одновременно лучшей экономической политикой». Оказывается «к скудным материальным ресурсам пролетарского государства она бы прибавила грандиозные классовые ресурсы пролетариата и его революционную энергию. Освежающим дуновением классового движения было бы сразу исправлено многое из того, что было содеяно за последние годы». Можно было бы только улыбнуться этой наивной болтовне, претендующей на серьезность. Но ведь Смилга среди троцкистов был одним из авторитетных экономистов. И этот экономист наплел год тому назад не меньше чепухи в защиту троцкистской платформы, которую он рекомендовал тогда переиздать, чем другой видный экономист из правых в защиту правой платформы.

А ведь всего год прошел с того времени, как писалась эта «несусветная чепуха», с тех пор, как автор этой чепухи вещал: «влияние оппозиции неудержимо (!!) растет также в рабочем классе. Тысячи рабочих-передовиков видят в оппозиции знамя ленинизма и коммунизма». Смилга слышал даже год тому назад шаги приближающейся «истории»: «В революционные эпохи торопливы шаги истории. Она уже сказала свое слово по поводу великой борьбы в прошлом году. Только слепцы и глупцы не видят ее приговора».

Что верно, то—верно.

Однако мы располагаем документальными данными, что троцкисты не прочь были бы при известных условиях заключить блок с правыми. Воспользовавшись письмом одного из правых, Троцкий написал «беседу на чистоту с доброжелательным партийцем». В этой «беседе» Троцкий прямо заявил, что на определенных условиях **«МЫ БЫЛИ БЫ**

согласны даже и с правыми договориться». Какие же эти условия? Троцкий их точно перечисляет: 1) сокращение сметы расходов на партийный аппарат, 2) определенная подготовка партсъезда (с дискуссией по всем платформам всех «течений»), 3) предварительная отправка «свистунов, громил, фашистов с общего (чьего общего?—*Е. Я.*) согласия на работу в новые совхозы без применения к ним 58 статьи», 4) тайное голосование.

Не знаешь, чему здесь больше удивляться: пошлости тут столько, что обыкновенному смертному и не додуматься. Но лучше всего здесь отношение к новым совхозам, куда, по мнению Троцкого, надо отправлять «свистунов, громил, фашистов».

Это письмо Троцкого (от 12 сентября 1928 г.) вызвало некоторое замешательство среди троцкистов. Троцкий вынужден был «поправиться». Он пишет полное казуистическое, иезуитское выкрутас произведение о «блоке» с правыми и прочей чепухе, в котором полемизирует с товарищами, у которых его статья «неожиданно вызвала смущение и даже почти возмущение». Он пытается доказать, что всякие мысли о блоке троцкистов с правыми—чепуха. Но Троцкого неожиданно разоблачает его родня. Троцкист М. Невельсон посылает И. Н. Смирнову послание на тему: «Против кого направить огонь» (10 июля 1928 г.). На этот вопрос М. Невельсон прямо отвечает, что главный огонь надо направить на тех, кто борется в партии против правых (по терминологии троцкистов—«центристов», «сталинцев»). А другие прямо предлагали блок с правыми. Это было настолько ясно, что Смилга 21 октября 1928 г. писал:

«Понять иначе эти слова (слова Троцкого в письме к Шатуновскому о возможности блока с правыми.—*Е. Я.*) как предложение тактического блока правым против центра—невозможно».

Прошло очень немного времени, и история дала проверку. Проверка эта состоит в том, что Троцкий за границей пытался заключить блок и с Суваринным, и с Пазом, и с чехо-словацкими правыми, что он сотрудничает в органах правых; в том, что значительная часть троцкистов вернулась к социал-демократам или синдикалистам; в